Н. Леденцов

ШУТКИ МИШУТКИ

Н. Леденцов

ШУТКИ МИШУТКИ

СКАЗКИ-ПОТЕШКИ И РАССКАЗЫ-ПРАВДУШКИ

Художник
А. ПАПШИН

Саратов
Издательство «Слово»
1993

ОГЛАВЛЕНИЕ

ISBN 5—85571—069—6

Автор **ЛЕДЕНЦОВ** Николай Иванович

Художники: А. И. Папшин,
В. П. Вахлюев,
Б. В. Шурыгин

Ответственный за выпуск М. В. Коптилкин
Технический редактор Л. А. Боткина
Спонсор: правление Саратовской областной организации
Союза журналистов России.

Сдано в набор 30.07.93 г. Подписано в печать 30.09.93 г.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Усл.печ.л. 2,52
Усл.кр.отт. 2,1. Уч.изд.л. 1,9. Тираж 20 000.
Заказ № 5638.

Типография издательства «Слово».
410601, Саратов, ул. Волжская, 28.

ДОИГРАЛСЯ

Медведь по лесу шатался, свежей травой да желудями питался, землю разгребал, луковицы искал, камни на пути ворочал, насекомых под ними доставал, прошлогодние дикие яблоки с деревьев срывал — всё поедал.

Как-то раз увидел он на дереве дупло и подумал: «А что если в нём мёдок полёживает?.. Проверить надо.»

И полез на дерево.

Добрался до дупла, поднял лапу и только хотел всунуть её в дупло, как с вершины дерева поползень окликнул его:

— Здравствуй, медведик!

— А, старый знакомый, здорово! — басовито буркнул медведь.

— Какой же я старый? Мне всего-то четвертый годок. А зачем ты к дуплу забрался?

— Медок ищу. Я же мед-ведь, знаю-ведаю, где мёд бывает.

— В дупле нет мёда.

— А почему ты знаешь?

— В дупле детки мои.

— Детки?.. И сколько же их?

— Восемь.

Медведь от удивления рот разинул. Он знал, что деток-медвежат появляется на свет немного: один-два, редко больше, а тут почти десяток. Спросил шутливо:

— Какие же они у тебя, если сам с воробьишко?.. Как комарики что ли?.. Ну-ка я посмотрю.

Наклонился головой ближе к дуплу, спросил:

— А что это за глиняная заплатка у входа в дупло?

Птичка поползень охотно пояснила:

— Это не заплатка. Это ободок из глины. Я всегда влётное оконце глиной замазываю, сужаю его, чтобы лишь мне да моей подружке можно было пролезть в гнездышко.

— И всё-таки посмотрю.

Заволновался поползень: кто знает, что надумал медведь? Зверь он и есть зверь. Вдруг решит всех поползенят поесть?

Ему это запросто — загребёт лапищей и в рот. Попросил:

— Не беспокой моих деток.

— Да я одним глазком.

— Какой же ты упрямый,— обиделся поползень.

— Ну, ладно. Не сердись. Я пошутил. У меня сейчас охота играть заявилась. Давай позабавимся.

Поползень обрадовался. Чем ни чем, а нужно отвлечь медведя от дупла. И торопливо согласился:

— Давай забавляться... А как?

— Поначалу в прятки. Ты прячься, а я искать тебя начну... Ну, берегись!.. Найду — не пеняй на меня, сразу лапой прихлопну.

Поползень несогласно покачал головой:

— Нет, нет... Ты своей лапищей можешь убить меня.

— Не бойся, я опять пошутил. Такое уж у меня сейчас весёлое настроение. Прячься!

Поползень вмиг юркнул на другую сторону дерева и притаился.

Медведь вытянул шею, заглянул за дерево, а там никого нет — поползень уже на другое место перебежал. Медведь влево головой повёл, а поползень вправо перескочил, медведь — вправо, а поползень — скок, скок — влево. Медведь туда-сюда крутит головой — нет птахи.

Окликнул:

— Куда ты, поползень, девался?

— Да здесь я,— ответил поползень с другой стороны дерева.

— Что-то не вижу тебя.

— А ты наклони дерево и увидишь меня,— пошутил поползень.

Медведь поверил такому совету. Слез с дерева, упёрся плечом в него, а оно ни одной веткой не шелохнулось, толстенное было.

Заявил медведь:

— Не хочу так играть. Давай по-другому.

— Согласен. А как?

Медведь призадумался, а потом вспомнил давнюю детскую игру с братцем у снежной горы и говорит:

— Давай с дерева, как с горки, кататься.

— Да ты что, медвежа, рехнулся что ли?.. С дерева ведь не катаются.

— Ничего,— заявил медведь.— Попробуем... Посмотрим, кто из нас ловчее.

Вовсю расхрабрился медведь. Быстренько залез на дерево и поторопил поползня:

— Начинай!

Поползень, не долго думая, цок-цок коготками лапок по коре и лихо пробежался вниз по дереву. И не как-нибудь, а головой вперёд: ему это запросто, давно к тому привык...

Соскочил на землю, поглядел вверх, а медведь колеблется, дерево крепенько обнял.

— Ты что же медлишь? — спросил он медведя.

Признался медведь:

— Боюсь скатываться головой вперёд. Никогда так не делал.

— Эх ты, трус!.. Не буду больше с тобой играть. Обманщик ты!.. Если боишься, то не скатывайся.

— Погоди,— сказал медведь.— Сейчас храбрости поднакоплю. А про себя подумал: «Стыдно быть хуже малышки. Она-то вон как сумела. Неужели я не ловкач?.. А, была — не была! Кататься — так кататься!»

Ухватился медведь за ветку, наклонился, перевернулся вниз головой, вцепился когтями передних лап в ствол и только начал прилаживать задние ноги к дереву, чтобы помогли «с горки скатиться», как они повисли в воздухе и перетянули его.

Грузный медведь с шумом рухнул с верхотуры. Налету кувыркался, за ветки хватался, да разве они удержат такую махину: тотчас же ломались и вместе с ним летели к земле. Так ударился медведь о землю, что вздрогнула она под его тяжестью.

— Ой! — громко заревел медведь.— Ой, ушибся!

Вспомнил о поползне, крикнул:

— Где ты, кроха?

— Да рядом с тобой.

— Что-то не вижу тебя. Голова кружится и в глазах рябит. Это ты виновата.

— А причем я?.. Сам надоумил «с горки кататься». Вот и докатался. Забавно, да не умно. НА ВСЕ ДОГАДКА НУЖНА!

Медведь не слушал слова поползня, не до этого было. Поднялся с земли, погладил лапой ушибленные места и заковылял в чащу леса. Без «ой» — шагу не мог шагнуть. Ревел от боли так, что листья с веток деревьев слетали.

— Ой, болит!.. Ой, головушка моя дурная! ... Вот так-то... Играть тоже надо уметь!

СНЕЖНЫЙ САХАРОК

Такого, как с ним, пожалуй, ни с кем не случалось. А, может, и случалось...

В старом-престаром сосновом бору, среди поваленных ветром деревьев, стояла бревенчатая, укрытая снегом избушка, с одним оконцем.

В той низкой избенке жила бурая медведица. Жила не одна, а с сынишкой, Медвежкой его звали. И такой он был шумливый, такой проворный, что похожих на него никого на свете не было. А ещё был сластёной. До того сласти любил, что и нос ими кормил.

Мать, правда, не ругала его. Одно лишь говорила:

— Нос-то вытри, Медвежка.

Оттого в шутку и повелось за ним прозвище: Медвежка-Вытри-Нос.

Однажды в полдень, когда мать спала в постели, Медвежка сласти захотел. Забрался на стул, открыл дверцы шкафа, достал с нижней полки глубокую чашу, заглянул в неё, повернул, перевернул и вздохнул — пусто в ней.

Не раздумывая долго, со средней полки снял чугунок, заглянул в него, и в нём лишь стенки да донышко увидел.

«Ага,— подумал Медвежка,— наверное, мама выше упрятала сласти от меня».

Потянулся к верхней полке — высоковато. Сообразил: чугунок под ноги подставил. Встал на него, достал с полки горшок и только хотел узнать, что в нём лежит, как нога соскользнула с чугунка, и Медвежка вместе с горшком на пол упал. Горшок вдребезги разлетелся, а Медвежка с шишкой на лбу оказался.

От шума медведица проснулась. Протёрла глаза, спросила:

— Ты что делаешь, Медвежка?

— Я-то?.. Да мёд ищу.

— Экий ты сластёна. Да разве забыл, что медку одна лишь чайная ложка в остатке?

— А мне больше и не надо.

— Ну, ладно. Бери. Вон там, на той полке.

Рад-радёхонек Медвежка. Бегает с ложкой по избе, кричит:

— Медок, медок, прыгай в роток!

Медок-то не умел сам прыгать, а Медвежка поиграл-поиграл им и слизнул с ложки. Чисто-начисто слизнул. Ни одной капельки не оставил. Глаза от удовольствия вверх закатил да как закричит:

— Ещё хочу, ещё!

— Ну, тише, тише, Медвежка. Не мешай мне спать.

И дала ему кусок сахара, чтоб не донимал.

Медвежка лизнул сахар — понравилось, ещё лизнул — опять вкусно. Схрупал сахарок, сказал:

— Сладковато, не хуже мёда.

И погладил лапой по животу.

Мать посоветовала ему:

— Ложись, Медвежка, баиньки. Я что-то тебе расскажу...

Уложила его в детскую кроватку, укрыла одеяльцем из цветных лоскутков, погладила по головке и начала тихо, по-доброму рассказывать:

— Вот лето наступит, и мы с тобой в лес пойдем, ягоды калины и малины собирать, да мёд в дуплах забирать. Это самое медвежье дело. Только пчёл тогда бойся. Они так ужалят, что с ног свалишься. А нос — вот такой распухнет,— и показала лапами во всю ширину плеч.

И ещё говорила медведица, и ещё рассказывала, а Медвежка слушал, слушал, моргал, моргал глазами и заснул.

И медведица на своей кровате крепко уснула. Похрапывает. Стены избёнки от храпа пошатываются.

А Медвежке снится сон...

Сидит он в малиннике, срывает ягоды и суёт их в рот. Сок от ягод во рту разливается, по губам растекается. Медвежка лапой то и дело утирается.

— Вкусно,— говорит.

Ещё бы ягод порвал, да из леса голос матери раздался:

— Мед-веж-ка! Где ты?

— Тут я, тут!

— Идем мёд искать.

Припустился Медвежка к матери.

Идут по лесу вдвоём. Медвежка вокруг деревьев шустро бегает, по траве кувыркается, радуется, что скоро медок ему достанется.

Остановила мать сынишку, носом повела, говорит:

— Чую мёд в дупле на сосне.

Подвесила Медвежке на грудь кастрюлю и сказала:

— Лезь.

Попробовал Медвежка взобраться на дерево, да сноровки маловато — тут же сорвался.

— Эх ты, неумейка!

И помогла ему нижнюю ветку достать.

От ветки к ветке — так и добрался Медвежка до дупла. Сунул лапу в дупло — что-то липкое попалось. Вынул лапу, с неё мёд стекает. Лизнул и от удовольствия чуть вниз не упал.

— Вот это вкуснятина! — сказал он.

И начал торопливо мёд доставать, да не в кастрюлю его класть, а на свой язык.

Просит мать:

— Угости, сыночек!

— Сейчас, сейчас,— пообещал Медвежка, но не сдержал своего слова. Сам без остатка весь мёд съел.

Собрался с дерева слезать, а тут пчела к нему подлетела. Закружила над Медвежкой, зажужжала:

— Ах ты, нечестный! Не трудился, а весь мёд забрал. Жжик!

И ужалила его в нос.

Закричал Медвежка, прикрывая лапами нос:

— ПУУ — хнет!

И соскользнул с дерева, обломав нижние ветки.

И что за диво: слева и справа целая туча — куча пчёл на него налетела. Как одеялом накрыли его. Сердито зажужжали.

По-своему заговорили:

— Он не только сладкоежка, он к тому же и себялюб! Даже родную мать не угостил мёдом. Не жалейте его!

И начали со всех сторон жалить его.

Тысячи жал! И в нос вонзают, и в лапы, и в открытый рот.

Туда-сюда мечется Медвежка. Головой крутит, лапами отмахивается, а пчёлы, как нарочно, сильнее прежнего жалят его.

Наконец-то проснулся Медвежка. Ух!.. Со страха пот на лбу выступил. Прислушался, а за стенками избёнки целый пчелиный рой жужжит.

Вздрогнул Медвежка: «Неужели опять пчёлы ко мне летят?»

Укутался одеялом покрепче, задрожал от страха, а когда догадался, что пчёлы в закрытую избу не залетят, усмехнулся: «Эх ты... Струсил! Да это же ветер жужжит-завывает».

Лежит Медвежка на кроватке, сон вспоминает. И перво-наперво, съеденный мёд. Эх, теперь бы хоть пол-ложечки испробовать!

Заскучал Медвежка без сласти. Водит глазами во все стороны. Ничего его не интересует. Только окно завлекло. Поглядел на него, а ставня то откроется, то закроется.

«И чего она так? — подумал Медвежка.— В лес что ли зовет меня?»

Проворно встал с постели, подошёл к окну, увидел и рот разинул. «Эге, сколько сахара за избой, а я не знал»,— рассудил он.

Медвежка и в самом деле не знал. Впервые он снег заприметил.

И откуда храбрость у Медвежки появилась?! Распахнул дверь и убежал.

В открытую дверь ветер подул и прямо на медведицу. В шубе она, но холод и в шубу забрался. Очнулась от холода медведица. повела глазами — нет Медвежки. Вскочила с кровати и за порог. Увидела — остолбенела.

Медвежка стоит по плечи в снегу, загребает его лапами и пичкает в раскрытый рот.

— Ты что делаешь? — рассерженно спросила мать.

— Я-то?... САХАРУ НАЕДАЮСЬ!

Не стерпела мать. Схватила сына за ухо и повела в избу.

Пробовал вырваться Медвежка, но не тут-то было: мать крепенько держала проказника-сынишку.

В избе шлепка ему дала за провинность, а потом пожалела, обняла и сказала:

— Глупый ты, Медведюшка! Не всё белое сладкое. Когда не знаешь, то спрашивай!

Прослезился Медвежка. Понял за что наказан. Пробовал что-то сказать, да рёв какой-то получился.

— Что ты говоришь? — спросила мать.

— Ры-ы-ы,— ответил Медвежка и закашлялся.

Полечила мать сынишку. Теплым молоком напоила, шерстяным намыленным платком горло ему обвязала, а он «ры» да «ры».

СНЕЖНЫЙ САХАРОК ДОВЕЛ!

НЕ БУДИ МЕНЯ ТАК РАНО

В тёмном лесу, в неглубокой яме, под корнями поваленного ветром дерева, спал бурый медведь в заснеженной берлоге. Всю долгую зиму спал. С боку на бок ворочался, ничего не ел, с каждым днем худел. Нередко снилось ему детство.

...Вот было житьё — так житьё!.. За берлогой мороз лютует, а возле матери теплым-растепло. Она и шерстью укроет, и к себе прижмёт, и дыханием обогреет, и молоком напоит. Спи, не зная забот и тревог. И охотников не бойся — от всех защитит.

Другое дело быть взрослым... На себя лишь надейся, на свою силу, уши, когти да зубы. И день, и ночь тревожься, всегда чутко слушай. Словом, спи и не спи!

Повернулся медведь на другой бок и готов был дальше спать-почивать, как вдруг за берлогой раздался свист. Частый, громкий.

Спросонок не смог медведь понять, чей это свист. Подумал: «Неужели охотники сюда заявились?.. Встречался

с ними в прошлом, натерпелся от них страха».

Насторожился медведь. Послушал-послушал — тишина в лесу. Ни голосов людских, ни лая собачьего. Лишь дыхание свое услыхал.

«Кто же мог свистеть?— озадачился медведь.— Может, лесорубы?.. Неужели им мало леса в тайге? Так и норовят вблизи берлоги деревья рубить».

Едва успел так подумать, как тот же частый и громкий свист повторился.

Струхнул медведь и решил: «Удирать надо отсюда!»

Вылез из берлоги, посмотрел по сторонам — никого не приметил. Нюхнул носом воздух, определил — нет вблизи человека. Но кто же свистел? Знакомый голос, а не вспомнился.

Свист снова откуда-то сверху раздался.

— Эй!.. Кто там?— крикнул медведь, глядя на вершину дерева, но ответа не последовало.

Рассердился косолапый и надумал: во что бы то ни стало разыскать того, кто так рано разбудил его от зимней спячки.

Дерево, с которого послышался свист, стояло рядом. Высоченное дерево, но медведю высота не помеха.

Встал он во весь рост, вцепился острыми когтями лап в кору дерева и вверх полез. Мастерски полез.

Добрался до середины дерева, поглядел вокруг — опять нигде и никого. Вот так свистун-невидимка!.. И только хотел спускаться на землю, как с другой

стороны дерева голова птички высунулась. Чуть не столкнулся медведь своим носом с клювом птахи. От неожиданной встречи на какое-то время оробел, а затем сердито спросил:

— Ты что ли свистела?

Куцехвостая птичка-поползень, величиной с воробья, проворно перелетела на ветку дерева и смело созналась:

— Я... А что?

— Как что?.. Ты же свистом раньше времени заставила меня выйти из берлоги.

— Я не виновата. Солнце весеннее меня растревожило. Велит подружку звать да гнездом обзаводиться. Вот я и насвистываю. Зазываю её.

Ещё раз свистнул поползень и начал ловко лазить по дереву: снизу-вверх, сверху-вниз, поперёк, наискосок. Шмыг, шмыг. Умелый верхолаз!

— Что ты делаешь?— поинтересовался медведь.

— Дерево обшариваю, чешуйки коры отгибаю, во все щели заглядываю, затаившихся насекомых и их личинки отыскиваю, еду добываю. Маловато её осталось. Где ветром сдуло, где шустрые синицы склевали, но всё-таки кое-что нахожу.

Позавидовал медведь:

— Тебе что... Есть чем полакомиться, а мне теперь каково? Чем теперь буду кормиться? Снег еще не весь растаял, свежая трава не подросла, грибы из земли не поднялись и мураши из хат не выползли. Словом, голодно будет.

— А зачем тебе мураши?

— Я всем питаюсь. И от них не отказываюсь.

— Ничего себе,— удивился поползень.— Такой тушке, как ты, целые полчища муравьев подавай и вряд ли накормишь. И как ухитряешься их ловить?

— Да очень просто. Положу передние лапы на их хатёнку и выжидаю, когда мураши в шерсть мою заберутся. Накопится много, я — раз языком! — и слизну их. Ещё положу — ещё слизну. Могу всех их вместе с прутиковой хатёнкой проглотить.

— Зачем же с хатёнкой? Это же жестоко!

— А ты разве не клюёшь мурашей?

— Клюю, но по одному. Всех сразу жалко.

— Их-то жалеешь, а меня нет. Без еды голодно жить...

— Неужели у тебя нет никакого запаса?

— В том-то и дело, что нет... Был во мне жир, и тот на исходе. Беда моя пришла. Ослабну я и не смогу по земле ходить, и по деревьям лазить. Нет ли у тебя чего-либо съестного?

— Есть... Я без запаса не живу. Орехов целая кладовка с осени запасённая.

Обрадовался медведь. Облизнулся. Попросил:

— Угости хоть немножко.

Без долгих раздумий поползень подал медведю орех и, не успел клюв закрыть, как орех тут же исчез во рту медведя...

— Спасибо, дружок! Вкусновато, да маловато... Ты уж в другой раз так рано не буди меня, а то с голодухи рассержусь и обижу тебя.

Слез медведь с дерева и неуклюже, вперевалку пошёл по лесной тропе. Дошёл до

реки, разбил лапой посиневший лёд, сел на берегу, уставился в воду и стал ждать, когда в проруби появится рыбка.

«Наверное, ещё не проснулась,— подумал медведь.— А что если разбужу её?»

Задумал свистнуть — не сумел. Подтянулся и рявкнул. Пождал-пождал — не поднялась рыбка к проруби.

«Да что она, оглохла, что ли?»

... Нет, не оглохла. В природе всё просыпается в своё время.

ПОЧЕМУ МЕДВЕДЬ РЕВЕТ?

Улегся медведь под ветвистым деревом около речки. Положил лапу под голову и заснул. В знойный день в прохладной тени крепко спится.

Похрапел-посопел медведь и вдруг проснулся: муха разбудила.

Села ему на нос, прошлась до ноздрей — щекотно медведю. Смахнул он щекотуху, а она в ухо забралась. Потряс головой медведь, да разве муха отстанет! Развернулся он увесистой лапой и шлёпнул себя по уху. От боли даже взревел, а муху так и не убил. Она раньше шлепка улетела.

Намеревался косолапый снова отдохнуть, да заметил на берегу речки лису рыжую. Всякого наслышался он про лис, а такого ещё не знал.

Вошла лиса в воду по самую шейку и поплыла с пучком травы во рту.

Заинтересовался медведь: зачем это лиса травы с собой прихватила?.. Уставился на неё, глаз с лисы не сводит.

А лиса проворно возвратилась на берег, отшвырнула пучок травы в сторону, нагрызла новой, перехватила зубами и снова в воду. Плывёт, а сама, не моргая глазами, на траву

глядит. Сколько-то времени побыла в речке, вышла на берег, быстро заменила траву и вновь в воду.

Трижды заходила лиса в речку и каждый раз с пучком травы, держа его над головой.

На берегу отряхнулась, потянулась и только собралась отправиться в лес, как вблизи медведь оказался.

— Эге,— подумала она,— недоброе соседство. Пожалуй, надо скорее от лохматого чудовища бежать. Может в живых не оставить. Удирать, удирать!.. Но как?..

Решила схитрить.

Погладила лапой свой язык и, надеясь на него, нежно заговорила:

— Отдыхаете, Михал Михалыч?

Он добродушно ответил:

— Да, немножко вздремнул после сытного обеда.

И полюбопытствовал:

— А что это ты с букетами травы в речку ходишь?

— Нюхаю их в плавании. Они силы мне прибавляют.

— Зачем же на берегу речки цветы рвешь, если их в воде много-премного?

— Не знаю и не ведаю про те цветы, Михал Михалыч. Такая я уж незнайка. Подскажи мне, где они растут?

— Да в соседнем озере. Там белоснежные лилии-кувшинки прямо на воде плавают.

— Ах, Михал Михалыч,— любезно сказала рыжая, пожимая плечами,— сочла бы за великую честь получить от вас хоть один букетик таких лилий. И непременно из ваших лапок, и непременно сегодня — у меня вечером день рождения.

— Да ну? — удивился медведь. — Надо же... Ну и лисынька! Знает, в какое время суток родилась!

Доверчивый медведь без колебаний пообещал:

— Да я мигом тебе букетище раздобуду! К твоему часу рождения принесу, а то и раньше.

— Смотрите, Михал Михалыч, не опоздайте ко времени. Принесёте позже — не возьму букет.

Раззадорился медведь: «Я ли опоздаю?» — подумал он и ринулся к известному ему озеру. И откуда прыть такая у косолапого? Будто скаковая лошадь мчится. Сколько-то пробежал, а на пути лягушку встретил. Спросила она:

— Куда торопишься, свет-медведюшка?

— За цветами белой лилии. Лисе в подарок. У нее скоро час рождения будет праздноваться.

— Не спеши, — сказала лягушка. — Не будет цветов... Они свернулись и в воду упрятались, потому что скоро дождь пойдёт. Я уж приметы погоды знаю.

Не поверил медведь лягушке, дальше побежал.

Завидел озеро и сходу плюхнулся в воду. Глубокое озеро, а для него не страшно, умеет плавать.

Качнулась в озере вода, взбудоражила пиявок, и поднялись они выше, и начали цепляться за того, кто покой их нарушил.

Плывёт медведь, ищет белые цветы лилии-кувшинки, а их нет нигде на воде.

Расстроился медведь, а тут, как нарочно, перед его носом рыбки-уклейки принялись из

воды выпрыгивать. В другое бы время подзакусил ими, а сейчас не до них. Торопиться надо, а то запоздаешь к лисьему празднику. Недовольно сказал рыбкам:

— Меня что ли дразните?

— Нет,— ответили рыбки,— насекомых ловим. Они перед дождём ниже над водой опускаются. А ты быстрей купайся, а то дождь тебя застанет.

— Да не купаться я пришел,— пояснил медведь.— Надо цветов лилии лисе нарвать.

— Не найти тебе цветов лилии-кувшинки. Они перед дождём всегда лепестки свёртывают и прячутся на глубину озера.

— И там их найду,— самоуверенно и храбро заявил медведь.

Нырнул поглубже, вцепился лапой в первую попавшуюся лилию, потянул к себе и вместе с корнем выдрал её из земли. Потом другую также сорвал. И третью прихватил. Целую охапку кувшинок заимел. Обрадовался. Передними лапами букет к груди прижал и побежал туда, где с лисой расстался. Издали радостно закричал:

— Несу, лисынька! Получай!

Глядь, а лисы как не бывало.

«Куда же она девалась?— недоумевал медведь.— Ладно, подожду. В день рождения у лис всегда много хлопот».

Час прошёл, другой, а лиса не появилась.

«Неужели не хочет из моих лапок лилии принять?.. Да этот букет не хуже тех, что она тут разбросала»,— думалось ему.

И чтоб лучше разглядеть брошенные лисой цветы, медведь пониже нагнулся — он же близорукий — и тут же отшатнулся. На его морду из пучков травы повыскакивали блохи.

— Кши, кши! — отмахнулся лапой медведь и отскочил в сторону.

Вот когда догадался, что делала лиса с букетами травы. Не цветы в речке нюхала, а блох из своей шерсти на пучки выгоняла.

Сердито зарычал медведь с досады. Обманула его лиса. Надсмеялась над ним. Настроение испортила и неприятностей прибавила.

В озере к медведю пиявки со всех сторон нацепились, особенно там, где мало шерсти. Сколько их было — он не знал, но боль ощущал.

Подбежал медведь к дереву и давай тереться о его шершавую кору, чтобы очистить себя от пиявок. Сильно трётся, дерево качается, ветки отламываются, вниз падают, по голове медведя бьют, а ему не до них — пиявок торопится с себя сбросить.

Взмок медведь от натуги. Озлобился. Последнюю пиявку так когтистой лапой загрёб, что не только клок шерсти, но и кусок своей шкуры выдрал. Зализать бы рану, как частенько он это делал, да не достать её языком. А тут некстати дождь полил, и вода в рану попала. Во всю мочь заревел медведь от боли.

— Чего это ты на весь лес ревёшь-надрываешься? — спросила подошедшая к нему медведица.

Вздрогнул медведь. Не ожидал он, что встретит свою жену. Еле ей ответил:

— Да вот купался и пиявок набрался.

Не поверила медведица:

— Какой же ты лгун! Ты не купался, а за цветами лисе в озеро лазил. Мне всё лягушка рассказала.

— Да у лисы сегодня день рождения, — оправдывался медведь.

— Сколько же у неё дней рождения? — возмутилась медведица.— Она вчера его справляла. Сегодня у меня день рождения!

—Да ну?— удивился медведь. — Как же я это забыл?.. Да я сейчас же в озеро сбегаю за цветами тебе в подарок. Мигом принесу.

—Нет уж, муженёк, спасибо тебе за медвежью услугу. У меня день рождения не совпадает с лисьим. Прощай!

И зашагала в лес. На полпути оглянулась — как-никак с мужем расстаётся,— вздохнула, передней лапой прощально махнула и скрылась в чаще леса.

С той поры ходит-бродит медведь в одиночестве. И как только вспомнит рыжую лису-обманщицу, так и ревёт. Злобно ревёт!

Может, кто слышал?

ВИШЕНКА

У дороги, недалеко от леса, выросла ветвистая, кудрявая вишенка.

Пришло время, и расцвела она. Душистая стоит. Потом и ягодами нарядилась. Румяно-красными. Соком налитыми.

Первой лиса те ягоды заметила. Осторожно, крадучись, подошла, плутовато поглядела и сказала:

— Ах, ах!.. Какая прелесть! — и ласково добавила: — Вишенка, вишенка, нагнись пониже, я в ягодки посмотрюсь.

Насторожилась вишенка. Впервые такое услышала. Стоит, не шелохнется.

Лиса хвостом завиляла, облизнулась, вокруг вишенки прошлась и нежно-ласково проговорила:

— Ну что ты, вишенка, не гнёшься?.. Нагнись, нагнись. Я же твой самый, самый лучший друг!

Не поверила вишенка. Спросила:

— А почему же ты не приходила, когда воды мне не хватало и корням тесно было в земле?

— Ах, вишенка, некогда было. Дел много. А ты не сердись. Нагнись, нагнись!

Поняла вишенка, что лиса не друг её. К небу ветки подняла.

— Ах, так! — возмутилась лиса.— Сама достану.— Подпрыгнула за ягодой и... ветку отломила.

Больно вишенке, а лиса и не думает жалеть её. У лисы своё на уме: все ягоды поесть.

Объела ягоды с отломанной ветки, поглядела на другие — высоковато. Говорит:

— Пойду медведя позову. Он лазать ловкий.

Пришел медведь с ведрами вишню собирать. Увидел он дерево, заревел:

— Ка-кое чу-у-до! И кто те-е-бя, ви-и-шня, здесь у дороги посадил?

Лиса проворно ответила:

— Я, Мишанёк, я... А ты кушай, не стесняйся, да и в вёдра собирай.

Замахал лапами медведь, потянулся к веткам, начал ягоды на землю стряхивать.

— Молодец, Мишанёк, молодец! — хвалит лиса, а сама ягоды торопливо подбирает. Советует: — Ты на верхушку забирайся. Там ягоды вкуснее.

Забрался медведь на самую верхушку да не рассчитал: верхушка-то тонкая, нежная, согнулась и... сломалась.

Чуть не заплакала вишенка от боли.

А медведь упал на землю. Лежит, стонет. Нос лапой проверил — цел ли?

Лиса, тем временем, ягоды с отломанной вершинки обирает. Мякоть ест, а бобки-косточки в разные стороны швыряет. Не нужны они ей.

Просит медведь:

— Угости, лиса.

— Ах, Мишенька, сейчас, сию минуту.

Пообещала, а сама опять ягоды в свой рот кладёт. Съела всё, говорит:

— Всего лишь одну нашла и ту тебе отдаю. Кушай, кушай, вся хворь пройдет.

— Спа-а-си-бо, ли-и-суха! Добрая ты. Давай всегда дру-у-жить.

— Согласна, согласна,— охотно ответила лиса.— И тебе будет весело, и мне сытно. Тебя кто обидит — я помогу.

Вдруг увидела лиса бежавшего из леса зайца.

— Спрячемся в канаву,— говорит она медведю.— Посмотрим, не сюда ли спешит?

Прискакал заяц к вишенке, задиристо сказал:

— Ты что же мне ягод не оставила? Я тебя сажал, о тебе заботился, а ты, неблагодарная, других накормила. Да за это я с тебя кору сдеру.

Ничего не ответила вишенка. Не знала она, кто её посадил.

А заяц не унимается. Задиристо требует:

— Где хочешь ягоды ищи, а меня корми!

Не стерпела лиса, выскочила из канавы, подбежала к зайцу и сказала:

— Ты почему требуешь ягод? Разве ты сажал вишенку?.. Да знаешь ли ты, сколько я трудилась? И поливала, и землю рыхлила, и каждый листик вот этим язычком, — она показала свой язык, — протирала от пыли. Ах ты, обманщик!

В их разговор медведь вмешался и рявкнул:

— Уди-и-рай, заяц, а то рассержусь и за уши тебя отта-а-скаю.

Не успел медведь лапой замахнуться, как испуганный заяц скрылся в лесу.

А лиса поглядела на вишенку, недовольно покачала головой — нечего с неё взять. Предложила:

— Пошли, Мишенька, в лесок. Может, там чем-нибудь угостишь меня. Что-то проголодалась.

Только вошли в лес, а навстречу им мальчик с рюкзаком за плечами. Спрашивает:

— Вы видели вишенку у дороги?

— Нет, нет,— живо ответила лиса.— Я не видела. Может, ты, Миша, видел?

— Да ты что, ли-и-са? — пробасил медведь.— Разве забыла? ...Мы же оба были около ви-и-шенки.

Понял мальчик.

— Значит, так... Оба были, а лиса не была... Почему же нос её вишнёвым соком испачкан?

Лиса вмиг хвостом свой нос вытерла.

— А ну, ведите меня к вишенке. Вижу что-то неладное.— А когда увидел он поломанное деревце, строго спросил:

— Кто же из вас загубил вишенку?

Лиса проворно пояснила:

— Вот он, топтыш неуклюжий. За ягодой полез и сломал. Говорила ему: будь осторожней, а он... Ломать — ума много не надо.

— А где ягоды? — спросил мальчик.

Молчит лиса. Молчит медведь. За них вишенка ответила:

— Они вместе ели, но больше лиса. Лишь одну ягодку удалось спасти.

Лиса злобно упрекнула медведя:

— Эх ты, ротозей. Зачем ягодку оставил?

Медведь виновато опустил голову.

— Ну вот что,— предупредил мальчик.— Отсюда до тех пор никуда не уйдете, пока вишенку не вылечим.

— А как её лечить? — хитро спросила

лиса, но, заметив недовольство мальчика, заявила:

— Сумею, сумею.

Конечно, легче говорить — труднее делать.

Попробовала лиса отломанные ветки к дереву привязать, а они не держатся. Надставила верхушку, а она не срастается. Лишь с помощью мальчика сумела все раны на вишенке садовым варом смазать да изолентой забинтовать.

И медведь, после подсказки мальчика, догадался, что надо делать. Воды принёс и землю около вишенки полил.

Ободрилась вишенка. Ветками встряхнула. Листья к солнцу подняла.

Радуется мальчик, что вишенке помогли. Спрашивает:

— Ну как, вишенка, легче тебе?

— Спасибо, добрый мальчик... Скажи, пожалуйста, кто меня здесь у дороги посадил? Лиса сказала — она, заяц сказал — он, а я им не верю. Кто сажает — тот не ломает!

Вот какую историю рассказал мальчик...

— Однажды весной наш отряд остановился на этом месте на привал. Поели, попили, хотели дальше идти, а вожатый говорит: «Давайте на память о нашем походе по родному краю что-либо посадим». А что сажать, если никаких саженцев с собой не прихватили. У меня в кармане оказался бобок-косточка от вишенки. Обрадовались ребята, лунку вырыли, бобок в неё положили, землёй укрыли, водой из фляги полили и дали слово приходить сюда и помогать вишенке расти. Вот я и пришёл. Жаль, что с опозданием. Но ты уж, вишенка, прости меня за это.

Сказала ему вишенка:

— За то, что ты вылечил меня, дарю тебе самую лучшую сохраненную спелую ягодку. Она не простая. Посмотри в неё.

Взглянул мальчик и... глазам своим не поверил.

В ягодке, как в маленьком телевизоре, он увидел своих друзей-товарищей. Кто с лопатой, кто с лейкой, кто с мотыгой. Все бегают, торопятся. На обочине дороги лунки копают, в них бобки-косточки вишнёвые кладут, водой поливают, землёй засыпают. Едва отойдут от лунки с посаженным бобком, как из-под земли вырастают кустики вишенки. Вмиг вырастают.

Цветут и ягодками наряжаются. Не дорога, а прямо-таки садовая аллея.

Загляделся мальчик в ягодку-телевизор и сказал:

— Что же мы стоим без дела?.. А ну-ка, лиса и медведь, быстренько за работу. Собирайте бобки-косточки, что раскидали. Сажать их будем.

Огляделся, а зверей будто ветром сдуло. В лес сбежали.

Но ничего!.. Что от зверей ожидать?.. Они только способны ломать... Сам проворно собрал бобки и посадил их вдоль дороги. Много посадил. Больше тысячи!

Прошло сколько-то лет, и вдоль дороги зацвели и украсились ягодками все посаженные мальчиком вишенки. Всякий, кто проходит или проезжает по дороге, спрашивает: «Кто же посадил эти вишенки?..» И по-доброму говорит: «Спасибо ему!»

ТОПТЫШКИН В ЦИРКЕ И НА ВОЛЕ

(Рассказы-правдушки)

ЗАБАВНЫЕ ПРОДЕЛКИ МИШУТОК

Заиграл оркестр марш, и на ярко освещённый манеж цирка бойко выехала не совсем обычная лихая тройка. Тройка бурых медведей.

Безудержно мчится тройка. Неугомонно звенят бубенцы-колокольчики под дугой.

Средний медведь в оглобли впряжён, два боковых — к нему пристегнуты. Сбруя у всех в убранстве, с яркими блестящими украшениями. Ошейники и намордники сыромятные.

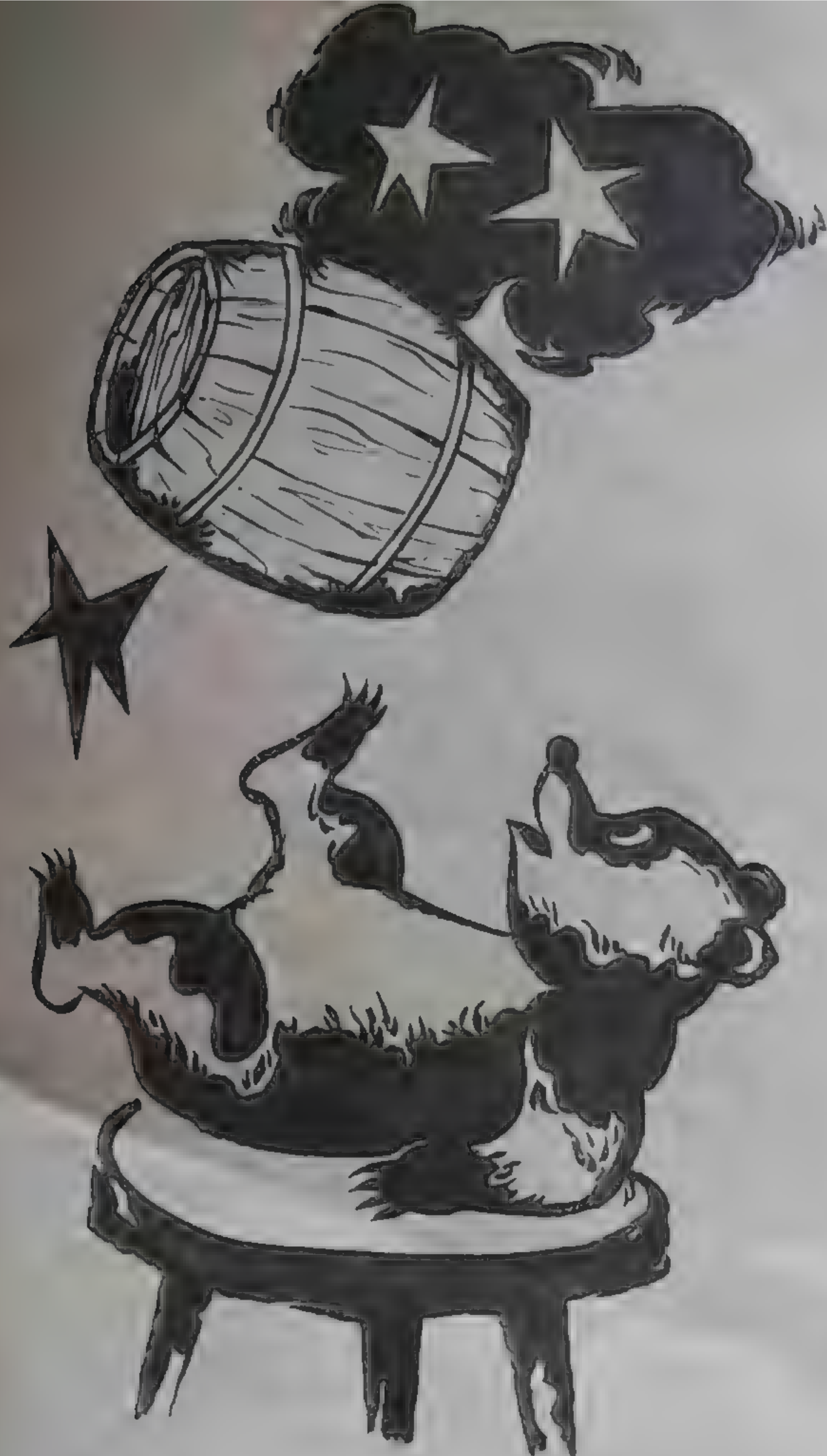
Над средним «рысаком» дуга возвышается. Вся лентами обвитая, бубенцами обвешанная.

Умело правит тройкой кучер-медвежонок. Шубка его красным кушаком опоясана.

В экипаже восседает, важно запрокинув голову, медведица-модница с широкой шляпой, надетой на голову до самых глаз. Рядом с модницей сидит в тележке дрессировщик.

Промчалась тройка по кругу и скрылась за кулисами, оставив дрессировщика на манеже.

Едва успели утихнуть восторженные аплодисменты зрителей, как на арене появился рослый, мохнатый медведь. Взглянул он на дрес-

сировщика, забрался на стол, улёгся спиной на широкую подушку, поднял задние лапы вверх, дождался, когда ему положат на них увесистое бревно, и закрутил его. Ловко крутит. Внимательно поглядывает то на бревно, то на дрессировщика. Видимо, ожидает очередное указание своего повелителя. И, конечно, угощения от него.

Вместо бревна положили медведю на лапы бочонок. Что ж, и бочонок для него пустяшная тяжесть. С ноги на ногу перебрасывает его.

Неповоротливый с виду Топтыш, а вон как умеет! Жонглёр да и только! Просто загляденье!

И это не последний номер лохматого артиста.

На лапы уложили ему длинный шест, и закрутил его медведь над своей головой. Будто карусель над собой кружит. Словно с пушинкой потешается.

На концы шеста дрессировщик куклы привязал — пусть они покатаются. Ни одной не уронил медведь.

Вместо кукол к концам шеста горящие факелы приладили. И они вихрем помчались по кругу. Даже ни одной струйкой пламени не задели дрессировщика! Умелый медвежка!

Закончил он заученный трюк, спрыгнул со стола, перевернулся через голову, встал во весь рост — выше дрессировщика, поклонился публике, дождался угощения за своё умение — всего-то кусочек сахара — и убежал за кулисы.

На смену ему артистка-медведица заявилась. В нежно-голубом платье с блестящими бусинками по краям. Будто балерина из театра. Вся разнаряженная.

Оркестр заиграл «Калинку», и «балерина»

заплясала «барыню». Ноги высоко подкидывает, неуклюже ими притопывает, из стороны в сторону покачивается. Лихо выплясывает нарядная Топтышка!

Но вот услышала она другую мелодию: «Танец маленьких лебедей» — и враз преобразилась. Глаза её горят. Движения плавные, с наклоном вправо, влево, вокруг себя. Плечами шевелит, передними лапами встряхивает.

Сколько бы танцевала — неизвестно, но тут из-за кулис прискакала пушистая собачка и сходу вспрыгнула танцовщице на грудь.

В обьятиях танцовщицы прошлась по всему барьеру манежа и неразлучными друзьями отправились восвояси.

Только утихла волна смеха публики, как за кулисами раздалось: «Га-га-га!»

И вскоре на арену цирка выкатилась коляска. Седок в ней медведь, а везёт его гусь... Обыкновенный домашний гусь!

Седок в коляске тяжеленный, килограммов сто весом, а лошадке крылатой он не в тяжесть. Идёт-шагает вперёд без устали.

Но что это?.. Медведь остановил гуся, вылез из коляски и зашагал по арене, оставив после себя чёрные ботинки и брюки.

Публика в недоумении.

Оказывается, медведь в коляске не сидел, а вышагивал, она была без дна, — а ботинки и брюки были для вида привязаны сбоку.

Ну и ну!

Гусь с коляской удалился, а медведь поднял с манежа палку и подал дрессировщику: решил силой померяться.

И вот начался поединок!..

Дрессировщик тянет палку в свою сторону, а медведь — в свою. Ну, ну, кто сильней?

Дрессировщик шагнул назад и потянул за собой медведя, а тот, пожалуй, подумал, что его сейчас победят и этого не мог допустить, поднатужился и так сгоряча рванул к себе палку, что дрессировщик от неё оторвался и чуть до борта манежа не докатился.

Готов был с арены цирка уйти, а медведь не пускает его. Встал перед ним, расставил ноги, обхватил дрессировщика и начал клонить к ковру манежа.

Видно, дрессировщику не безопасно. Лохматый борец может все рёбра поломать.

Изловчился дрессировщик и отпрыгнул от медведя.

Озлобился косолапый, пасть открыл, запыхтел, зарявкал. Вот злюка!.. Этому же его не учили!.. А он внезапно махнул передней лапой под ноги дрессировщика и обрадовался. Наверное, думал, что сбил противника, но тот оказался смышлённее артиста. Подпрыгнул и взмах лап медведя пролетел мимо.

Медведь отдал честь публике и покинул манеж.

Не успела публика опомниться от того, что произошло, как по барьеру торопливо зашагала на задних лапах медведица в цветастом длинном платье. Пройдётся немного, остановится, крутнётся вокруг себя и дальше важно ковыляет.

Клоун, оказавшийся на арене, заулыбался во весь широченный рот и громко объявил:

— Начинается показ женских мод последнего сезона! Перед вами мода номер один: карнавальное платье.

Публика, глядя на медведицу-манекенщицу, засмеялась.

На смену первой медведице вышла вторая в белом, укороченном, насквозь прозрачном платье с вуалью на голове.

— Модель номер два: элегантное платье невесты!

Зрители вновь засмеялись.

А на смену невесте заявилась третья модница. Бежит по барьеру, мордой ворочает, озорно на зрителей смотрит. На ее груди два матерчатых кружочка, скреплённые тесёмкой, на животе — треугольный лоскутик подвешен.

Клоун пояснил:

— Модель номер три: купальный костюм!

Вновь раздался неудержимый хохот публики.

...Многому учат в цирке медведей. Есть и такой номер.

Поставили посреди манежа стол, а на него уложили пирамиду.

Медведь вскинул задние ноги вверх и, опираясь на передние, «зашагал» ими по ступенькам лестницы. Осторожно «шагает». Одну ступеньку миновал, другую. Уже стол под ним, а он ещё в стойке вниз головой. «Переступил» лапами со стола на кубики и, удерживая равновесие, начал поочередно сбрасывать кубики по одному со стола. То левой лапой, то правой. Скинул все и также на передних ногах, вниз головой, «сошёл» по лестнице на манеж. Мало того, на «стойке» прошёлся мимо публики. Просто великолепно!

И как такого жонглера сахаром не угостить!

Еще более увлечённо смотрели зрители на шустрых хоккеистов-медведей.

... На площадке две команды, по три медведя в каждой. В передних лапах игроков

клюшки, на задних — роликовые коньки и зашнурованные ботинки. У одних хоккеистов трусы синие, у других зелёные. Все игроки в напряжении. От нетерпения готовы пасти пооткрывать, да намордники мешают. Все ждут сигнала.

И вот раздался долгожданный свисток судьи-дрессировщика, и схватка началась.

Все игроки устремились к шайбе. Под ноги не смотрят, видят только её. Как настоящие хоккеисты!

Со всей силой игроки столкнулись, рявкнули, разъехались. Кто-то размашисто ударил клюшкой по шайбе, но она пролетела мимо ворот. Бывают же неудачи!

И опять толчея-суета. Вновь взмахи клюшек. Новые удары и промахи. Грубых «силовых приёмов» не счесть. Азарт у игроков такой, что не заметили, как ворота с места сдвинулись. А один игрок не увидел, как у него трусы с ног сползли. Ринулся вперёд, и потерял трусы. Ему бы стыдиться, а он не унывает. Без трусов бегает.

Даже шайбу в ворота забил.

Раздался свисток судьи, и игра закончена. Все игроки на судью уставились, ожидая от него лакомства. Победитель здесь же получил кусочек сахара, а остальные за кулисами. Такое уж правило.

Ушёл с ними дрессировщик и вскоре возвратился с дамским велосипедом. Вслед за ним приковылял на задних ногах медведь. Повёл мордой, рыкнул — чем-то недоволен.

Догадался дрессировщик — он умеет понимать медведей,— успокоил:

— Иди уж,— сказал,— садись.

Не раздумывая долго, косолапый уселся

верхом на сиденье, сунул задние лапы в башмаки, крепленные к педалям, ухватился передними лапами за руль, пригнулся над ним, как заправский гонщик-велосипедист, крутнул педалями и покатил по манежу.

Правит-рулит не хуже знатока. Куда велосипед наклоняется, туда и руль повёртывает. Катится и не падает. И впереди его, как на первых репетициях, никто не бежит, и с боков никто не поддерживает, и велосипед никто не тянет, и путь не указывает — все сам делает!

По кругу манежа раз проехал, второй. Пора уж за кулисы сворачивать, а он вновь устремился вдоль барьера.

Дрессировщик вдогонку за ним припустился. Руки протянул, вот-вот схватит за велосипед, но споткнулся и упал.

Медведь виновато посмотрел на него, повернул руль и укатил с манежа, высоко держа голову. Видимо, возгордился своей удалью. Зрители дружно хлопали в ладоши вслед велосипедисту и смолкли лишь тогда, когда за кулисами раздался рокот мотора.

Вмиг на арену выскочил мотоцикл и вихрем промчался по манежу. Седоков-гонщиков на нём было двое: старший медведь и младший. Младший сидел позади и держался за старшего.

Мотор резко трещал-фырчал-взвывал, мотоцикл вздрагивал, а медведи ехали и молчали. Ни тот, ни другой седок-гонщик даже глазом не моргнул. Значит, уже привыкли!

Все зрители удивились храбрости и умению Топтышек.

И, надо же, в цирке погас свет

Зрители заволновались, а гонщики сколько-то метров промчались в темноте, а потом

сбавили скорость мотоцикла и включили фару. Теперь ехать стало безопасней. У самого занавеса у входа на арену свернули вправо и скрылись за манежем.

Может быть, об одном из этих велосипедистов сообщали газеты, как он однажды проехал по улицам Москвы на мотоцикле. Проехал и никого не задел, и не нарушил правила уличного движения. Рискованно мчался он только под зелёный свет светофора.

Умельцу-мотоциклисту даже постовой милиционер улыбнулся. И дрессировщик, сидящий на мотоцикле рядом с Мишуткой, был доволен.

В ЛЕСУ ДРЕМУЧЕМ

Отогрелся ветер под лучами солнца, ободрился и легко помчался по таёжному лесу.

Лес густой, стеной стоит, а ему не помеха. Где по тропинке проскочит, где на полянке спляшет, где ветками деревьев солнцу помашет — весело ему. Везде играет, везде песню напевает, всем тепла прибавляет.

Залетел к бурому медведю в берлогу, пощекотал ему в носу — очнулся медведь лохматый от долгого зимнего сна. Повернулся на бок, а под ним талая вода оказалась. Пришлось четвероногому покидать берлогу.

Вылез из убежища, а вокруг светлым-светло и тепло. Протёр глаза, потянулся, спину прогнул, поразмял залежавшееся тело, повалялся в остатках снега, отряхнулся, пошёл еды искать. Всю зиму ничего не ел. Проголодался. Похудел.

Возле берлоги ни одной свежей травинки не нашёл. Лишь гнилушек трухлявого пенька

пожевал да одну луковицу в земле выкопал — вот и все. Надо же чем-то кормиться.

Недовольно поворчал медведь и дальше заковылял.

Ему-то, конечно, легче прожить — он ведь один, а каково медведице? У неё двое медвежат-нахлебников. Надо и себя накормить, и малышек не забыть, а это ведь гораздо труднее.

У медведицы в берлоге два медвежонка зимой родились. В дни лютых январско-февральских морозов. Оба медвежонка слепые да крохотные. Каждый из них на ладони взрослого человека уместится. Ходить не умеют, а только ползают. Шерстка у них реденькая, потому и зябко им. К груди матери прижимаются.

Обнимает их медведица, дыханием своим обогревает, молоком поит. Много у нее забот.

Через месяц медвежата прозрели, в шубку нарядились, по берлоге заходили.

Наступило время, когда медвежьей семье надо на волю из тьмы выходить.

Первой шагнула из берлоги мать — она и до этого выходила на солнышке погреться, а за ней окрепшие дети.

Медведица-мать вокруг поглядела, ушами настороженно послушала, носом понюхала, убедилась, что нет ничего тревожного и улеглась около дерева. Греется, шерсть облизывает, чистоту наводит, терпеливо следит за медвежатами.

А они будто всегда здесь бывали. Быстро освоились.

Безбоязненно обнюхали землю, покопались в ней, побывали у камня, потрогали пенек, обследовали все видимое, удовлетворили свое любопытство и затеяли игру. Друг друга догоняют, лапами толкаются, по земле

катаются, забавно потешаются. Устанут, мирно посидят, передохнут и вновь встают на задние лапы, и вновь азартно борются. Падают, вскакивают, смешно головами мотают, уши прижимают, рты открывают, фыркают. Словом, беззаботно, весело и забавно возятся — шалят, проказничают, но мать не забывают. Изредка, но посматривают на неё.

Позовет она: «Мнго, Мнго» — к ней спеши. Заупрямишься — шлепка получишь. И за дело! Не капризничай! Будь послушным!

Изо дня в день пасутся-резвятся рядом с матерью шустрые медвежата. Каждый раз у них новые впечатления, и опять нескончаемая возня, опять куча-мала. Весело валяются, задрав ноги вверх.

Наловчились быстро на деревья взбираться. На любые — хоть толстые, хоть тонкие, шершавые или гладкие. То на одно залезут, то на другое. До самых макушек. Кто выше, кто скорей. И не падают. Верхолазы и только!

Посмотрел бы отец, какие дети ловкачи! Да нет... Не видел он их и не интересовался ими. В одиночестве и в отдалении живёт, о себе лишь заботится. Вот он участок леса обошёл, стволы деревьев когтями поскрёб, спиной усердно о них потёрся, метки-запахи на коре оставил. Знайте все: это его владение! Он здесь хозяин! Никто сюда не заходите! Плохо будет! Силищи хоть отбавляй!

В самом деле, медведь силён. Лося одолеет и уволочит туда, куда захочет. А если подкараулит зазевавшегося кабана, то хряк и глазом не успеет моргнуть. С ног могучей лапой сбивает его, когти в спину жертве вонзает, зубами в шею вгрызается, голову свёртывает. Беспощаден он в то время!

Нет крупной добычи — мелкую ищет. В лесу камни разные ворочает, верхний слой земли — дёрн — лапами пашет и ковром свёртывает, везде дождевых червей, улиток и всякую живность отыскивает.

Находит добычу и в реке. Рыбу ловит. И без удочки. И не с берега, а заходит в воду. Где глубже — по пояс стоит, а где мельче — на дне сидит. Сидит и внимательно следит глазами. Искусный рыболов!

Плывёт мимо рыба — раз! — и хватает ее когтистой лапой да на берег выбрасывает. И не всякую, а ту, что крупнее.

Не варит он уху и не жарит рыбу на сковородке — сырую поедает. Насытится и уходит в лес отдыхать.

Как-то летом он на дереве дупло отыскал и мёд в нём унюхал. Это же первейшее его лакомство! Ради мёда на всё готов!

Погрыз края дупла, расширил вход в него и лапу просунул. Тут-то и началось непредвиденное...

Загрёб лапой мёд в дупле, запихал его в рот, причмокнул от удовольствия, облизнулся, вновь угостился, третий раз надумал полакомиться, а на него целый рой диких пчёл налетел. Облепили его. В нос жалят, в губы, во все мягкие места.

Отмахнулся медведь, а пчёлы сильнее встревожились. Со всех сторон жалят непрошеного гостя. Даже не уследишь, куда намерены садиться.

Заревел медведь от боли. Злобно заревел, а с мёдом не расстается, настойчиво лазает лапой в дупло. Всю морду испачкал мёдом. Десятки пчёл на носу раздавил. Готов всех их помять да лапы заняты: три за дерево дер-

жатся, а четвертая — и мёд достает, и пчёл отгоняет.

Утомился медведь. Не вытерпел натиск пчёл.

Недовольно заревел и ошалелый в лес поскакал. Топ-топ, топ-топ! Ну и Топтышка! Из стороны в сторону качается. Такая уж у него походка. Он же косолапый.

Сбежал, но дупло с остатком мёда не забыл. В другой раз опустошил его.

В лесу не нашёл еды — в поле отправился. Из ночи в ночь, а то и днём наведывается в поле. Ходит до тех пор, пока не насытится. Наедается так, что тяжело ему ходить. Дышит со свистом. До килограмма в сутки прибавляет в весе.

И не только зерном овса питается. Ягоды на деревьях и кустарниках обрывает. Особенно бруснику и рябину. Уцепит ветку, пригнёт к себе, приналяжет на неё и срывает ягоды. Много веток при том ломает, не жалеет их — о своем животе беспокоится.

Наконец, накопил жиру — о берлоге начал думать.

Поискал, поискал подходящее место — оно должно быть в укрытии, чтоб никто его не заметил и жильца в нём зимой не обидел. Увидел дерево, поваленное бурей, не торопясь обошёл его со всех сторон — здесь быть берлоге, под корнями, вывернутыми из земли.

Под корнями яму подкопал, на дно её мха и листьев настелил — мягкая постель.

Стены берлоги изнутри подровнял, все тычки пообрывал. Теперь сколько хочешь поворачивайся и не уколешься.

Поверх берлоги еловых веток накидал — чем не крыша!

Несколько дней медведь кряхтел — трудился, а когда его дом снегом укрыло — завалился на постель всю зимушку спать.

Спать бы ему спокойно, да бывает не до сна. Кто-то из людей раз его потревожил, второй, третий. Нарушен покой бурого медведя! Кончилось его терпенье. Обозлился он. Грозно рыкнул, вылез из тёплого логова, встал во весь рост — воинственный вид,— покрутил головой, поглядел во все стороны и начал туда-сюда шататься. Его так и зовут медведь-шатун. Везде ходит бродит-ковыляет, раздражительно ревёт, еду отыскивает. А где её найдешь?

Злющий тот медведь. Задиристый и жестокий! Готов враз загрызть. Никого не боится. Ни человека, ни волка. Не страшится в поселок зайти. Нападает на всех. Даже на охотника.

Не мешкай тогда охотник — метко стреляй в шатуна. Промахнешься или ранишь — не миновать когтей да зубов медвежьих.

А всё потому, что вынудили его вылезти из берлоги, не дали поспать.

... Медведица-мать тоже готовит берлогу в зарослях леса, под ветками деревьев. Просторную берлогу. Для себя и будущих двух деток. У них общий дом.

И случилось как-то... Медведица, гуляя с детками по лесу, в капкан попалась.

Вздрогнула она, напряглась, рванулась вперёд, метнулась в сторону, но капкан накрепко обхватил её ногу.

День она была в железном плену. Ещё день. Пять миновало. Подходили к ней медвежата. Таращили глаза от удивления. Видели мучения матери и ничем не помогли.

Хоть бы накормили её, но, видно, смекалки не хватило. Одно они смогли: не покинуть мать до самого прихода браконьера.

...Говорят, что тех медвежат поймали и теперь они в цирке выступают.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190